

- ³⁷ ПСЗ. Т. 21. № 15755.
³⁸ Рождественский С.В. Очерки по истории... С. 578.
³⁹ Там же. С. 577.
⁴⁰ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. Т. 1. СПб., 1902. С. 36–49.
⁴¹ ПСЗ. Т. 27. № 20597.
⁴² ПСЗ. Т. 28. № 21265.
⁴³ История Ленинградского университета. С. 13–14.
⁴⁴ ПСЗ. Т. 30. № 23035.
⁴⁵ ПСЗ. Т. 33. № 26573.
⁴⁶ ПСЗ. Т. 36. № 27675.

© 1998 г. Б.В. ЛЕВШИН*

АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

(Историческая справка)

При создании Петром I в 1724 г. Академии наук одним из важнейших направлений ее деятельности предусматривалось создание в возможно короткие сроки национальных кадров специалистов.

Именно эта цель и стояла на первом месте при организации при Академии учебных заведений. До этого в России были только духовные училища и цифирные школы, а также специальные военно-учебные заведения – Морская академия, Артиллерийское и Инженерное училища.

В проекте Положения об учреждении Академии наук наряду со средним учебным заведением – Гимназией – предусматривалось открытие еще и высшего учебного заведения – Университета.

Он должен был состоять из трех факультетов: юридического, медицинского и философского. На юридическом факультете предполагалось преподавать политику, этику и "натуральное право"; на медицинском – анатомию, химию и ботанику; на философском – логику, метафизику, "генеральную" и экспериментальную физику, математику, а также красноречие, древности и историю. В отличие от западноевропейских университетов в Академическом университете не преподавалось богословие.

Проект не предусматривал никаких сословных ограничений для поступления в академические учебные заведения. Об основании Академии наук в Петербурге были извещены специальными циркулярами русские дипломатические миссии. Наибольший интерес у иностранцев вызвало сообщение об открытии в России Университета. В письмах президенту Академии наук Л.Л. Блюментросту и помогавшему ему академическому библиотекарю И.Д. Шумахеру зарубежные корреспонденты пытались выяснить, будет ли этот университет пользоваться привилегиями, какие в нем будут факультеты и будет ли он присуждать ученые степени на уровне европейского статуса.

Университет был открыт позднее Академии наук, только после набора студентов. Обучение их было возложено на академиков. Кроме ежедневного чтения лекций им вменялось в обязанности обучать "под своей директорией" одного или двух студентов. Помимо этого, академики должны были составлять на латинском языке программы обучения по своей науке. Затем эти курсы с целью популяризации знаний переводились на русский язык.

Содержание лекций определялось научными интересами академиков и имело своей задачей систематическое изложение какой-либо отрасли знания. Академики, читавшие студентам лекции, именовались профессорами. Лекции обычно читались по-латыни.

Основной целью учебной деятельности Академии наук была подготовка национальных кадров ученых, чтобы впредь вакантные "места академиков домашними наполниться могли".

* Левшин Борис Венедиктович, доктор исторических наук, директор Архива Российской академии наук.

Хотя и не делалось никаких сословных ограничений для приема студентов, набрать их оказалось делом не легким. С 1726 по 1733 гг. было зачислено в Университет всего 38 человек, причем только 7 из них были русскими. Среди недворян было слишком мало лиц, подготовленных для получения высшего образования. Немалую роль играло и материальное обеспечение: русским студентам было положено содержание всего 36–48 руб. в год.

Жизнь заставила внести значительные коррективы в ту часть Проекта положения об учреждении Академии, которая касалась учебной деятельности. Обучение решено было проводить не по факультетам, а при академических "классах" – математическом, физическом и гуманитарном. Кроме публичных лекций академики вели нерегулярные занятия с отдельными студентами или студенческими группами в несколько человек.

Студентов, получивших после окончания Университета звания адъюнктов, предполагалось кроме научной работы направлять в качестве учителей в созданную при Академии Гимназию. Еще только обучающимся студентам тоже давалось право преподавать "первые фундаменты наук" начинающим учиться, с тем, чтобы и они со временем "учениями академическими пользоваться могли", т.е. стали студентами Университета. Наиболее способных студентов предполагалось в дальнейшем выдвигать в академики.

Вместе с академиками из Германии приехали в качестве студентов 11 молодых людей. Некоторым из них с наиболее высокой квалификацией вскоре были присвоены звания адъюнктов. Студенты и адъюнкты, готовясь к профессуре, временно работали в архиве, издательстве, "по переводческой части" и т.п. В январе 1726 г. в Академии были объявлены публичные лекции. Однако, несмотря на то, что лекции были задуманы интересно – Г.Б. Бюльфингер проводил публичные опыты по физике, И.Г. Дювернуа – анатомические демонстрации, – особого успеха они не имели, так как читались по-латыни и были доступны избранному кругу лиц.

Сохранилось сообщение, что в 1729 г. И.С. Бекенштейн, Д. Бернулли и Ф.Х. Мейер читали публичные лекции; одновременно читалось от 9 до 11 курсов различного характера, которые были обязаны посещать студенты.

Академия несколько раз делала попытки пополнить ряды студентов. После долголетних настойчивых требований в 1732 г. сюда приехали 12 студентов из Московской славяно-греко-латинской академии, которые предназначались для подготовки во Вторую Камчатскую экспедицию. В 1735 г. был разработан новый план устройства при Гимназии семинариума на 30 человек из дворянского сословия с целью подготовки для дальнейшего продолжения занятий в Университете. В начале 1736 г. из Московской славяно-греко-латинской академии было прислано 12 юношей "ради слушания у профессоров лекций и вышних наук"; двое из них – М.В. Ломоносов и Д.И. Виноградов – были вскоре отправлены за границу, другие в конце 1736 г. после экзамена определены в Гимназию.

Весной 1740 г., сдав специальный экзамен, часть студентов получила различные назначения, а часть была оставлена для продолжения занятий по математике и астрономии.

В первые годы существования Академии наук попытки наладить стройную систему образования не увенчались успехом. Однако из среды студентов, которых сумела подготовить Академия, вышло немало прославленных людей: крупный физик Г.В. Рихман, математик И. Магницкий, географ И.Ф. Трускотт, знаменитый русский поэт и дипломат А. Кантемир, составитель первых правил русской орфографии и первый русский член Академии наук по математике В.Е. Адогуров.

Большинство первых слушателей, получивших образование в Академии наук, определялись на государственную службу. Антиох Кантемир, например, стал дипломатом, П.З. Кондоиди – директором Медицинской канцелярии, Готфрид Пашке служил в Юстиц-коллегии, Шиллинг – в Коммерц-коллегии и т.д. Некоторые покинули Россию и возвратились в свое отечество (барон Гамильтон, Н. Овенс, Фаренгейт, Шнейдер, Г. Клейнфельд, В.П. Фиттингф), другие определились на военную службу, четверо были оставлены при Академии наук – В.Е. Адогуров, Мартин Клейнфельд, А.Б. Крамер и Иван Ильинский.

Первые академические профессора приложили немало труда к обучению сыновей русских и иностранных специалистов, находившихся на русской службе. Из-за отъезда на родину после окончания контракта большинства приглашенных при Петре I профессоров и недостатка слушателей, академические лекции читались с перерывами и фактически прекратились в 1733 г. Неоднократные обращения И.Д. Шумахера с объявлениями о возобновлении в Академии наук лекций мало помогали привлечению в Университет слушателей. Профессора считали, что именно он сам сознательно тормозил педагогическую деятельность Академии наук. Это было ему вменено в поданной на него жалобе в Сенат.

Следственная Комиссия по этому делу, созданная по указу императрицы Елизаветы,

30 сентября 1742 г. рассматривала вопрос об Академическом университете отдельно. Он был восстановлен только в 1747 г. по новому Регламенту Академии наук.

В Университет на казенное содержание следовало набрать 30 "молодых и годных людей в студенты", кроме того, разрешался прием "вольных" студентов, число которых не регламентировалось. М.В. Ломоносов и В.К. Тредиаковский сумели провести удачный набор студентов. В основном это были семинаристы старших классов, стремившиеся к светским знаниям – солдатские сыновья, дети низшего сельского духовенства и других социальных групп населения. Таким образом, этот набор в Академический университет был демократическим. Эти тенденции сохранились и в последующие годы.

Сам Ломоносов относился к педагогической деятельности в Академии наук с большим интересом и ответственностью. Для студента Мартина Клейнфельда, выразившего желание заниматься с ним, Ломоносов составил специальное индивидуальное пособие.

Он обращался к Академии наук с предложением об увеличении числа слушателей, предлагал от Общего собрания Академии просить Правительствующий Сенат издать Указ о переводе в Академический университет учащихся из Невской и Новгородской семинарий. Обращаться в Сенат академики не стали, но отразили это пожелание Ломоносова в Регламенте Академии наук 1747 г. в параграфе о пополнении Университета способными учащимися из семинарий.

После принятия нового Регламента Академии наук занятия в Университете начались 16 мая 1748 г. Однако предусмотренная программа лекций полностью не выполнялась. Тем не менее, несмотря на организационные неполадки и нехватку преподавателей, Университет в первое пятилетие своей возобновленной деятельности подготовил целую группу отечественных специалистов. В числе их были А. Барсов, И. Братковский, А. Константинов, Н. Поповский, С. Румовский, М. Софронов, Ф. Яремский. Их научная квалификация была настолько высокой, что они были удостоены звания адъюнктов и магистров. Ломоносов вел в Университете курс физической химии. Его лекции сопровождались демонстрацией опытов, для которых по его требованию изготовлялись нужные приборы и инструменты.

Некоторым студентам – В. Клементьеву, И. Братковскому, И. Федоровскому и С. Румовскому – Ломоносов читал также лекции по экспериментальной химии с практическими занятиями в своей Химической лаборатории.

Группа студентов, в числе которых были ставшие впоследствии известными Н. Поповский, А. Дубровский, И. Барков и Ф. Яремский, слушали его курс по стихосложению. К сожалению, эти лекции, также как и начало третьей книги "Риторика", которую Ломоносов диктовал студентам, не сохранились.

В 1757 г. в связи с отставкой И.Д. Шумахера Ломоносов получил назначение в Академическую канцелярию с передачей в его ведение академических Гимназии и Университета. Он хотел воспользоваться этим обстоятельством, чтобы организовать работу этих учебных заведений по своему усмотрению и произвел некоторые кадровые перестановки – уволил инспектора академической Гимназии К.-Ф. Модераха, на которого все время жаловались учащиеся, назначив на его место С.К. Котельникова. Однако пользовавшиеся большим влиянием в Академии И.И. Тауберт и Я.Я. Штелин всячески препятствовали его реформаторской деятельности, постоянно контролировали его действия и осведомляли президента Академии. В "Краткой истории о поведении Академической Канцелярии" Ломоносов подробно изложил затруднения, которые он встречал на пути совершенствования академического учебного дела.

После трагической гибели профессора Г.В. Рихмана и окончания курса лекций Ломоносова Академический университет начал явно клониться к упадку. Студентам, желавшим специализироваться в медицине, приходилось слушать лекции по другим предметам, так как единственный медик профессор Авраам-Каау-Бургав не хотел читать лекции. Отсутствовал профессор по высшей математике, механике и экспериментальной физике. Кандидатура же адъюнкта С.К. Котельникова, который завершил свое математическое обучение в Берлине под руководством Л. Эйлера, была отведена последним, заявившим, что С.К. Котельникову занимать кафедру математики еще рано. Не были поддержаны академическим Собранием и другие кандидатуры, выдвинутые Ломоносовым, – на вакантную кафедру экспериментальной физики И.-К. Шпагенберга, а на кафедру механики И.-П. Эбергарда из университета в Галле. От преподавания в Университете уклонился прибывший в Петербург профессор М.-Э. Цейгер, которому Ломоносов считал нужным поручить ведение практических занятий по экспериментальной физике. Не захотел продолжить курс ботаники профессор И.-Х. Гебенштрейт. Не удалось привлечь к чтению лекций в Университете профессора Ф.-У.-Т. Эпинуса, так как он не получал дополнительную плату за эту работу.

Выдвижение на преподавательскую работу молодых специалистов встретило сопротивление

академической администрации. Прекрасно образованные и талантливые ученые Г.В. Козицкий и Н.Н. Мотонис не были утверждены в звании адъюнктов. А.П. Протасов, вернувшийся в 1760 г. после обучения из Страсбурга и желавший получить вакантную должность профессора анатомии и физиологии, получил ее только в 1763 г. по настоянию Ломоносова. Особенно сильное сопротивление встретило назначение Г.Ф. Федоровича по представлению Ломоносова на кафедру общих прав, остававшуюся незаемщенной после отъезда профессора юриспруденции Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта.

Вследствие нехватки преподавателей стали привлекать в Академический университет студентов Московского университета. В 1760 г. были направлены И.И. Шуваловым Яков Манжос, Тимофей Гагарин, Иван Скворцов, Григорий Крупеников и Федор Дьяков. Ломоносов привлек к чтению лекций по красноречию Г.В. Козицкого, хотя звания профессора он не получил. Преподавание высшей математики он поручил С.К. Котельникову, а астрономии – Н.И. Попову. Благодаря его стараниям и заботам университетские кадры были пополнены. Чтение лекций было поручено людям, получившим хорошую подготовку и в лице которых Ломоносов имел опору в своей деятельности по перестройке Университета на новых началах.

Заветной мечтой Ломоносова оставалось создание Санкт-Петербургского академического университета по европейскому образцу. Он считал нужным завязать научные контакты с другими университетами – Мадридским, Эдинбургским, академиями и другими научными обществами. М.В. Ломоносов считал необходимым предоставление Университету прав на чинопроизводство, чтобы поставить университетских служащих и студентов в равные условия с другими государственными служащими. Это также, по его мнению, способствовало бы привлечению в Университет молодежи.

Ломоносов настаивал на том, чтобы Университет имел право присуждать ученые степени, мог регулярно направлять студентов в заграничные командировки. Однако из семи намеченных им для поездки в "чужие края" студентов ему удалось отправить только П.Б. Иноходцева, И. Юдина, В.П. Светова и В. Венедиктова. После смерти Ломоносова Академический университет прекратил свое существование.

© 1998 г. М.Д.КАРПАЧЕВ*

ОСНОВАНИЕ ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В истории Воронежского университета до сих пор остается немало неисследованных страниц. Издававшиеся в разные годы юбилейные книги носили, как правило, отрывочный характер и вопрос об учреждении ВГУ сводили к воле Советского правительства, принявшего в 1918 г. историческое решение о перебазировании Юрьевского (Дерптского) университета в Центральное Черноземье¹. Даже подготовленный к 70-летию университета сборник документов сложную картину его организации трактует только как результат созидательной энергии разыгравшейся в России революции².

Однако создание в Воронеже университета не было результатом скорых или волевых решений. Вопрос этот вызревал долго и готовился очень тщательно.

По всей видимости, именно ключевое региональное значение Воронежа стало причиной того, что он был упомянут в числе городов-кандидатов уже при разработке первого общероссийского плана устройства сети высших учебных заведений при Александре I³. Сейчас трудно сказать, по каким именно причинам выпал из списка первых университетских центров Воронеж. Скорее всего свою роль сыграла близость к Харькову.

В среде же воронежской общественности мысль об учреждении университета в своем городе впервые появилась в разгар либеральных реформ императора Александра II. Именно тогда резко вырос престиж университетского образования, начался бурный процесс формирования русской интеллигенции. Этому в немалой степени способствовало само правительство: в российских университетах в несколько раз возросло число студентов, был утвержден либеральный университетский устав 1863 г., приняты меры по развитию сети образовательных

* Карпачев Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета.